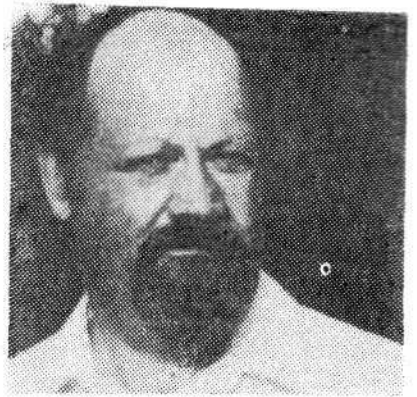
Станислав Михайлов

МЕЖА

Стихи

«Литературная Кострома», 1995 г.
Специальный выпуск



Первая книга Станислава Николаевича Михайлова «Живи и помни» вышла в 1990 году в Донбассе, где он работал учителем в Горской школе-интернате. А родился Станислав Михайлов в Костромской области, окончил Костромской педагогический институт им. Н. А. Некрасова. Педагог и поэт по призванию, он много ездил по стране. Печатался в районных и областных газетах, коллективных сборниках.

Последние несколько лет Станислав Михайлов работает учителем в Межевском районе. «Литературная Кострома» уже представляла его творчество, рассказывала о том, как он организует литературную учебу школьников, издает детский журнал. Лучшие стихи и поэмы Станислава Михайлова рождены глубокими чувствами и серьезными размышлениями. Эта книга, надеемся, позволит читателям убедиться в одаренности автора.

* * *

Суровое, нетопленное детство,
В тетрадках мерзли буквы и слова.
Мы, огольцы, чтоб как-нибудь согреться,
Черемуху рубили на дрова.

Звенел топор жестоко и серьезно,
Мальчишеские души леденя,
И рассыпались щепки, словно слезы,
Чтоб сохраниться в сердце у меня.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ОТЦА

Я не помню божественней мига,
Я не знаю торжественней дня:
Режет батя ржаную ковригу,
Осторожно к себе прислоня.

Нож солдатский сурово и нежно
Оставляет на корке следы,
И впервой в ароматную свежесть
Не врывается дух лебеды.

Как волнуется нож-торопыга
В узловатых руках старшины!
Режет батя ржаную ковригу.
Он сегодня вернулся с войны.

* * *

Кому — дела, кому — слова,
Кому — шальная голова,
Кому — высокие посты,
Кому — могильные кресты.

Кому — весна, кому — зима,
Кому — дворец, кому — тюрьма,
Кому — трава, кому — зерно,
Кому — вода, кому — вино.

Кому — квадрат, кому — овал,
Кому — опасный перевал,
Кому — ручей, кому — река,
А мне — удачная строка.

* * *

Сторона моя залесная,
Сторона моя заречная,
Ты — послушница безвестная,
Ты — кормилица извечная.

Ты — моя землица скудная
(Все вокруг — с песком да глиною),
Счастье наше многотрудное
И страдалица безвинная.

* * *

Не раз мы вспомним со стыдом,
Как, сняв и выбросив кольчуги,
Разворовали крепкий дом,
Чтоб после выстроить лачуги.

К себе тащили по бревну.
Кричали, что досталось мало.
И постепенно шли ко дну
Под грузом общего развала.

Все развалилось, расползлось.
(Не доверяй, сосед, соседу!)
Неуправляемая злость
Сегодня празднует победу.

И что ты там ни говори,
Не убедишь меня в обратном —
Пусть и зачислишь в звонари
Времен, ушедших безвозвратно.

И снова — храмы на костях.
Опять — богатства пахнут кровью.
Страшусь — потомки не простят
И не ответят нам любовью.

Да и не стоит отвечать
Глупцам, хулящим день минулый
Плевком иудина печать
Наш злобный лик перечеркнула.

Да, наша совесть нечиста.
Мы перед Русью виноваты.
Неужто нет на нас креста?
Неужто нет в душе Христа?
А что же есть тогда, ребята?..

* * *

По-разбойничьи, без права,
В страшный час, по-воровски
Величайшую державу
Разорвали на куски.

А потом свои законы
Подводили под развал:
Кто икону, кто попону —
Кто-то что-то целовал.

Клятвы все произносили,
Руки ставили в бока.
О, великая Россия,
Ты уже не велика!..

Все хотят кромсать и резать
По живому вкривь и вкось.
Кровью праведной железо
Пропитается насквозь.

Всяк себя считает правым,
Оголтело рвется в бой.
О, великая держава,
Что же станется с тобой?!

Декабрь 1991 г.

РАЗДУМЬЕ

Деревья глубокие тени
В снегу увязают, ветвясь.
Во множестве хитросплетений
Я вижу славянскую вязь.

Кудрявятся буквами ветки,
Ложатся слова в седине,
Как будто с деревьями предки
Прислали послание мне.

Его прочитаю не сразу,
Не вдруг содержанье пойму:
Сплетаются хитрые фразы,
Их тень проступает сквозь тьму.

Искрятся снегами страницы
Доселе невиданных книг,
И четче становятся лица
Незримых героев моих.

Вот месяц писателем древним
Склонился к листу у свечи.
Пером ему служат деревья,
Чернилами — тени в ночи...

Над рощей все выше и выше
Плывет золотая луна,
Деревьями пишет и пишет
Славянские письмена.

ДОРОГА К ЛЕТУ

Где-то нежатся города,
Улыбаясь теплу и свету.
На Чукотке оленьи стада
Из-под снега копытят лето.

На Чукотке снега глубоки,
Холодна и безмолвна тундра.
Лета нежные стебельки,
Как они достаются трудно!

Затвердевшую снега печать
Разбивает, дробит копыто.
А с утра надо снова начать,
Чтобы лета поесть досыта.

И нельзя задержаться на миг,
Отдохнуть средь пустыни суровой.
Там, за сопками, лета родник
Предстоит им разыскивать снова.

И спешат от голодной беды
По каким-то незримым приметам...
Остаются оленьи следы
Бесконечной дорогой к лету.

ДОБРОЕ УТРО

Я встаю спозаранку
И шагаю за летом.
С добрым утром, яранги.
Люди добрые, еттык!

Пляшут длинные тени,
Бьют рогов кастаньеты.
С добрым утром, олени,
Люди добрые, еттык!

Прохожу я по тропкам,
Для других незаметным.
Утро доброе, сопки.
Люди добрые, еттык!

День с утра веселится,
В птичий гомон одетый.
Утро доброе, птицы.
Люди добрые, еттык!

Слову доброму верю,
Как хорошей примете.
Утро доброе, звери.
Люди добрые, еттык!

Я иду летним утром
По тропинкам заветным.
Утро доброе, тундра.
Люди добрые, еттык!

ОСЕНЬ

Промелькнуло чукотское лето,
Словно огненный лисий хвост,
И пропало над сопками где-то
В рыжине появившихся звезд.

Пронеслось, прошумело, пропело,
Протрубило в оленьи рога,
Раскатилось брусникою спелой,
Превратило в ковры берега.

Пробежало по тундре цветами
Да грибов быстроногой гурьбой,
Пролетело зарницей над нами
И не взяло в дорогу с собой.

Не догнать скоротечного лета,
Хоть олени сильны и быстры.
И — в простую сермягу одета —
Осень тушит слезами костры.

Лишь однажды к земле приникши,
Задержав свой стремительный бег,
Удивительной ягодой шикшей
Лето тихо уходит под снег.

* * *

Я кормил комаров
В амгуэмской дали
У пастушьих костров
Возле края земли.

И навстречу ветрам
Я по тундре ходил,
Из реки Омваам
Воду свежую пил.

На ее берегах
В иступлении злом
Меня била пурга
Своим жестким крылом.

Не один перейти
Мне пришлось перевал.
Падал я по пути,
Только снова вставал.

И сильней во сто крат
Становилась рука,
И летел мой чаат
На оленьи рога,

Жег мне руки огнем,
От натуги дрожал,
Что казалось: на нем
Я всю Землю держал.

Ей упасть не давал
И с орбиты свернуть.
В холода укрывал
Ей кухлянкою грудь...

И готов я опять
Из уюта — в пургу,
Чтобы вновь услыхать
Песню нарт на снегу...

Вновь кормлю комаров,
А со мной пастухи
У дымящих костров
Сочиняют стихи.

ПРИПОЛЯРНАЯ БЕЛАЯ НОЧЬ

За окошками сумерки бродят,
Догорают у леса костры,
И танцуют в шальном хороводе
Над моей головой комары.

Темнота надвигается робко,
Из-за леса встает — посмотри, —
Обнимая угрюмые сопки
На пылающем фоне зари.

По лесной прокрадется дороге,
По таежной пройдет тишине,
Промелькнет, словно тень, на пороге
И замрет в летаргическом сне.

И опустит усталые плечи,
И не сможет зари превозмочь...
Так выходит июню навстречу
Приполярная белая ночь.

Обозначит туманною дымкой
Сероглазая ночь Колыму
И уйдет за реку невидимкой...
То ли ночь, то ли день — не пойму.

ЧУКОТСКАЯ ПУРГА

В природе будто все взбесилось —
Взорвались ветры и снега:
С такой неистовою силой
На тундру ринулась пурга.

Летит — откуда неизвестно.
Куда? А кто там разберет!
С лихой разбойничьею песней
С утра стучится у ворот.

Но знают люди нрав разбойный.
Чтобы пускать ее в тепло.
Сердясь и плача, волком воет,
Напрасно лапой бьет в стекло.

И рвется дальше в злобе снежной,
Дав вороному стремена.
Прет наугад во тьме кромешной —
Сама собой ослеплена.

Дрожа в отчаянном экстазе,
Все сотрясая и круша.
В пылу немыслимых фантазий
Неповторимо хороша.

* * *

Я уезжаю навсегда за Унжу,
Оставлю вам удобства и почет.
А мне русалка голову закружит
И за собою в омут увлечет.

Пойду за ней по тропкам незнакомым
С неистребимой верой в чудеса.
Пронзят мне тело сладостной истомой
В глухой ночи зеленые глаза.

Над головами будет филин ухать;
Смеясь и плача, закричат сычи,
Зато сова, добрейшая старуха,
От глаз своих затеплит две свечи.

Я слышу звон мелодии венчальной.
В моей руке лежит твоя рука.
У нас колец не будет обручальных —
Нам водяной подарит два венка.

Прозрачные венки из белых лилий.
Звенит в бокалах чистая вода.
Мы по глотку любви с тобой испили,
Теперь пьяны друг другом навсегда.

Веселые, сияющие лица.
Во всей вселенной — только я и ты...
А может быть, мне это только снится —
Полет моей несбывшейся мечты?..

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Здравствуй, речка Межа!
Здравствуй, старый Егорий
И задумчивый лес на крутом берегу!
Улыбнитесь мне снова, багряные зори!
Я без вашей улыбки прожить не могу.

Чтоб на отчий порог опуститься устало,
Через много тревог мне пройти довелось.
Нити прошлых дорог по земле разметало.
Стала реже копна поседевших волос.

Голубая звезда загорится лампадкой
Над моей головой, от волненья дрожа.
И, на блудного сына сердясь для порядка,
Заворчит добродушно старушка Межа.

Пожурит и уйдет, опираясь о берег,
Вдоль полей и лесов голубою каймой.
Припадая к воде, я надеюсь и верю,
Что все те, кто ушел, возвратятся домой.

МОЯ ВЕСНА

Весна покинула холмы
И опустилась на равнину.
Мой сад очнулся от зимы
Пока еще наполовину.

Но дальше — больше... Боже мой!
Идет весна, не видя края,
И кровь, застывшая зимой,
Весной в деревьях заиграет.

И сучьев голые крючки,
Дрожа от радости, проснутся.
Набухших почек кулачки
В ладошки листьев развернутся.

И удивленная трава,
Еще по-детски неуклюжа,
На волю вырвавшись едва,
Как в зеркало, глядится в лужу.

И вдруг... Кричат перепела,
А горизонт — высок и светел...
Моя весна уже ушла.
Куда? Я даже не заметил.

РОЖДЕНИЕ РЕКИ

Вдали от солнечных лучей,
В лесном затишье мрачном
Родился маленький ручей,
Студеный и прозрачный.

Он был забавным малышом,
Ужасным непоседой:
На свет явился и пошел
Искать себе соседа.

Тот пробивался меж корней,
Вставал и падал снова,
И наполнялся все сильней
Водою родниковой.

Вот, повстречавшись, обнялись
Два неуемных братца.
Они друг другу поклялись
До третьего добраться.

Спешат, бегут вперегонки
Вдвоем в едином русле.
Поют лесные ручейки,
Как звончатые гусли.

Я здесь со многими знаком,
Всех знаю поименно.
Иные с горки кувырком
Летят на зов по склону.

А эти прыгают с камней
Опасности навстречу...
А те — расчетливей, умней,
Все ищут путь полегче.

РОДИМЫЙ КРАЙ

Если в темном небе загорелись свечи,
Если над болотом закричал бекас,
Значит, на деревню опустился вечер
И зовет куда-то за собою нас.

Выйду за деревню по тропинке росной,
С тишиной в обнимку побреду к ручью.
Поклонюсь рябинам, улыбнусь березкам,
А плакучим ивам я венки совью.

Соловей-волшебник выдает рулады,
Словно по заказу, для моих подруг.
Кажется, что счастье бродит где-то рядом,
Соловьиной песней слышится вокруг.

На зверье лесное ухнув для острастки,
Филин неуклюже замер на суку.
В лужах и болотах ночь разводит краски,
Да луна с улыбкой смотрится в реку.

Край ты мой родимый, дальняя сторонка!
Старая дорога да звезда в пруду.
Ты живешь неброско, говоришь негромко,
Но тебя роднее в мире не найду.

ОСЕНЬ

Облака опускаются ниже,
В синей речке темнеет вода,
Землю белая изморось лижет,
Над полями — туманов гряда.

Быстро краски багряные тают.
Лес угрюмо стоит, отгорев.
Пестрых листьев последняя стая
Улетает навстречу заре.

Скрыла осень под серой вуалью
Разноцветье июльских лугов.
Только смотрят в белесые дали
Богатырские шапки стогов.

Все развеет, раздует, разгонит,
Упадет на поля и леса.
От ноябрьских студеных ладоней
Застывают у птиц голоса.

Как дитя, раскапризится осень,
Будет плакать она, уходя.
И на землю притихшую бросит,
Словно бусины, капли дождя.

ДОРОГА

Я видел разные дороги:
Булыжник с тряскою до слез,
Бетон, величественно-строгий,
Асфальт, шуршащий от колес.

Но только в памяти иная
Встает дорожная страна:
Дорога старая лесная,
Шоферов вечная беда.

Разбита вдрызг! Сплошные ямы
Водой залиты по края.
Иль бесконечным рваным шрамом
Вонзилась в землю колея...

Машина шла, урча с надсадой.
Да где там шла — плыла, ползла.
То будто выла от досады,
То будто плакала со зла.

Была груженой та машина:
Железо, ящиков гора.
Поверх всего расселось чинно
Людей десятка полтора.

Увидев эту пирамиду,
Упала б в обморок ГАИ.
Но только здесь другие виды.
В тайге есть правила свои.

Здесь всех — знакомых, незнакомых, —
Чья остановка по пути,
Коль не домой — поближе к дому,
Попутно могут подвезти.

Вот так и я, студент вчерашний,
Судьбой заброшенный сюда, —
Ездой такою ошарашен —
Сижу, вцепившись в чемодан.

Трясусь от станции Полома
Вдаль от проторенных путей:
В лесном поселке незнакомом
Мне предстоит учить детей.

А самому едва за двадцать.
Но с умным видом знатока
Я должен в судьбах разбираться
Детей и взрослых... А пока

Петляет ленточка проселка,
Плывет, ползет в лесную пасть,
Чтоб ввечеру к ногам поселка
В изнеможении упасть.

ГЛУХАРИНАЯ ПЕСНЯ

Когда идешь по лесу до рассвета,
Остановись!.. Прислушайся. Замри.
Не каждому дано услышать это:
Весну встречают песней глухари.

Мелодия крадется тихой тенью,
Непонятым брожением в крови,
Она слаба, как робость откровенья,
Она сильна, как таинство любви.

Она подобна голосу капели
И нежности весеннего листа.
Она, как соло в музыке апреля,
Своею первозданностью чиста.

Мелодия легка, как невесомость,
Слова, как мудрость, вечны и добры.
Они полны звенящею истомой
И бесшабашной удалью игры.

И, забывая обо всем на свете,
Мелодию любимой посвятив,
Поет глухарь... Величествен и светел
Его неподражаемый мотив.

Мне возразят: ну что это за песня?
Набор каких-то точек и тире.
Но я не слышал ничего чудесней
И трогательней песни глухарей!

СОЛЬ ПЕЧАЛИ

Плачут старые кони
Незаметно ночами.
Падает мне в ладони
Соль печали.

До костей разъедает руки,
Душу мочалит
Страшная эта штука —
Соль печали.

Кони... Да что там кони,
Брошенные тем паче...
Колокола трезвонят.
Люди плачут.

Руки слез не приемлют,
Занятые мечами...
И раздирает землю
Соль печали.

До костей, до корней, до точки,
Выворачивая наизнанку...
— Ах, зачем же вы так, сыночки,
Бедную мамку?

— За обиды твои, за шрамы,
За язвы в душе и на коже
Ты прости нас, пожалуйста, мама,
Если сможешь.

— Да что ты, родной, соколик,
Я ведь совсем не об этом... —
А Куликову полю
Быть с рассветом.

ПАМЯТНИК БЕЗДУШИЮ

Вырвав из домашнего уюта,
Потащила женщина мальца,
Подвела к ближайшему приюту
И ушла, оставив у крыльца.

Поспешила прочь, не обернувшись,
Чтоб не возвратиться никогда.
Словно обронила безделушку,
А поднять не стоило труда.

Я не знаю подлинной причины,
Да и не желаю понимать.
Легкость жизни, тряпки иль мужчины, —
Все тускнеет перед словом мать.

Я не удивлюсь, коль очень скоро
Своего ребенка будет звать,
Помирая где-то под забором,
Эта... затрудняюсь, как назвать.

Завернут в убогую рогожку,
Занесут в казенный кондуит...
Прилепившись носиком к окошку,
Памятник бездушию стоит.

СЫН РОССИИ

Я связан с Россией глубинной,
Я вырос из древних кровей
Под танец семьи голубиной
Над мрачным затишьем церквей.

Я связан с природою русской,
С селом на крутом берегу,
С лесною тропинкою узкой,
С цветами на тихом лугу,

С пылающей ярко калиной
На скатерти зимнего дня...
Я с каждою связан былинкой,
Мне каждая ветка — родня...

Отсюда я черпаю силы
И пью эту влагу до дна.
Я сыном глубинной России
Останусь во все времена.

НЕНОРМАЛЬНЫЙ

Другу моему
Николаю Тютюнникову
посвящаю

Хочу рассказать о поэте,
О том, что теперь между звезд,
Что нам через сотни столетий
Свое вдохновенье донес...

Еще не придуманы знаки,
Что вяжутся в слово хитро,
Еще далеко до бумаги,
И в небе летает перо.

Поблизости — мамонтов стадо,
Давно на охоту пора.
О пище заботиться надо,
А этот — рисует с утра.

Прикрыв занемевшую спину,
Забыв о еде и о сне,
Он пишет поэму в картинах
На твердой пещерной стене.

Мужчины сердились вначале,
Ослушнику карой грозя,
Привыкли потом, замолчали,
Поняв, что отвадить нельзя.

Лишь только глазами косили
За плавным движеньем руки
И мясо ему приносили,
И воду из горной реки.

А он удалялся порою,
Взбираясь по выступам скал,
И там, за далекой горою,
Заветные камни искал.

Найдя, улыбался кому-то,
Хоть рядом — совсем никого,
И не было в эти минуты
На свете счастливей его.

Он гладил находку руками,
И делалось людям смешно.
— Ну что там? Подумаешь, камень!
Их возле пещеры полно.

И стоило лазать по скалам
Во имя каких-то камней.
Да он же совсем неудалый,
Лишь хочет казаться умней. —

Со всеми смеяться удобно.
Когда вы понять не смогли:
Рисунок оставить способны
Не всякие камни Земли.

— На шее сидит ненормальный! —
Шипели старейшины зло...
Остался художник опальный,
А племя за горы ушло.

Поэт не рванулся за всеми,
На родичей зла не держал,
Прикованный сердцем к поэме —
Свой каторжный труд продолжал.

Не зная ни сна, ни покоя,
Работал поэт на износ,
Вконец ослабевшей рукою
Последний рисунок нанес.

Закончив, упал возле входа,
Не помня ни зла, ни обид...
Сурово с пещерного свода
Ушедшее племя глядит...

Поэма рисунков наскальных
Лишь сквозь расстоянья видна...
Я славлю таких ненормальных,
Живущих во все времена.

СУД

Меня судьба не баловала здорово,
В мой день рожденья плакала земля,
Над колыбелью зло кружили вороны,
Живое тело внаглую деля.

Но я смотрел на мир светло и радужно,
А надо б — удавиться от тоски,
Когда судили в клубе чью-то бабушку
За сорванные ночью колоски.

Мы, огольцы, не плакали подавленно,
А подвывали взрослым, как щенки:
— Подумать только — воровать у Сталина!
Упечь ее, каргу, на Соловки! —

И не догадывались будущие хищники,
Что нам уже готовила судьба:
Кого-то завтра посвятят в опричники,
А из кого-то вылепят раба.

А кто воспринял этот путь с обидою,
Стараясь разогнуться из дуги,
Приговорен усатою Фемидою
И навсегда записан во враги.

Нас постепенно делали волчатами,
Лишь вожака учили слушать впредь...
А бабушка прощается с внучатами,
Чтоб по дороге в город умереть.

* * *

Начальник лагеря
(ясно — не пионерского)
Ежевской закваски —
обидчив и крут —
Вначале молча
взглянул на дерзкого,
А после изрек:
«На пятнадцать минут!»

Усердно старались
охранники сытые
Начальнику
рвенье свое показать:
Жертву,
носками сапог избитую,
Скопом решили
раздеть и связать.

Прикрученный к дереву
за воротами
(Уже за границами
бытия).
Стоит он —
один на один с болотами
Да с черными тучами
комарья.

Тело его,
словно простыни, белое,
Кипящею тучей
покрылось вмиг.
Рад бы помочь,
только, что я поделаю?
Я — еще маленький.
Ученик.

А сегодня,
когда наступает безверие,
И в груди —
словно снежный ком,
Я, наверное,
встану под дерево:
Подлеца назову
подлецом!

* * *

Коней, привыкших к палке и кнуту,
К вожжам, всегда натянутым до боли,
К словам соленым, к удилам во рту,
Придумал кто-то выпустить на волю.

И захлебнулся скрежетом запор,
И воцарилась тишина в загоне...
А к вечеру — вернулись за забор
Все поутру отпущенные кони.

Пришли, понуро шеи наклоня,
И на места привычные вставали,
Хотя и знали: это — западня,
И завтра снова выпустят едва ли.

И человек никак не мог понять,
Все объясняя лишь едой да пойлом,
С рассветом снова начал выгонять,
А к вечеру они вернулись в стойла.

И повторялось так не раз, не два...
Не выдержали кони — заболели.
Не потому, что горькая трава,
А просто жить иначе не умели.

Им все сначала надо бы начать,
Да жаль — душой и телом ослабели...
К свободе тоже нужно приучать,
Как и к неволе, лучше с колыбели.

ЗАВЕЩАНИЕ

Дает февраль прощальные гастроли,
Назавтра уходя к небытию:
Метели дико пляшут в чистом поле,
И в трубах ветры буйные поют.

А завтра — март, а завтра — все иначе:
Яснее небо, голубее даль.
Лишь о зиме сосульками заплачет
Уже несуществующий февраль.

Вот так и я: спою вам на прощанье
И, оборвав последнюю струну,
Через границу вечного молчанья
Без трепета в душе перешагну.

А жизнь идет решительно и смело,
Как юность в свете мартовского дня.
А молодежи... ей какое дело,
Что средь живущих нет уже меня.

Быть может, повздыхают для порядка:
Мол, как же так — здоровый был какой.
Лишь старики слегка всплакнут украдкой,
Глаза стыдливо заслонив рукой.

Но только вы, друзья мои, не верьте,
Что я застыл в молчании глухом.
Я буду петь для вас и после смерти
Своим неброским простеньким стихом.

И на моей не смейте плакать тризне,
А подхватите падающий стих,
Чтобы в делах я не ушел из жизни,
Чтоб голос мой вовеки не затих.

Я вам напомню — ожидайте знака:
Когда весна займется над селом,
Я мартовской капелью буду плакать,
Как тот февраль, грустящий о былом.

Вы ж соберите вешние капели,
Что упадают, рифмами звеня,
И то, что мы когда-то не допели,
Пожалуйста, допойте без меня.

* * *

Мне машет женщина платком
Из-за околицы, с пригорка.
И сознавать смешно и горько,
Что с ней почти я незнаком.

Она на цыпочки встает,
Вдруг становясь пугливой птицей,
Взлететь и хочет, и боится...
И отстает, и отстает.

Иду в молчаньи гробовом.
А вечер притупляет краски,
И лица превратились в маски,
Как будто в зеркале кривом.

А я все дальше — за бугор.
А тень ее спешит за мною,
Отдать не хочет то родное,
Что я унес, как подлый вор.

Меж нами встала ночь стеной.
Перечеркнула все, что спето.
И в темноте осталась где-то
Та, что была моей женой.

ОДИНОКАЯ ЖЕНЩИНА

Одинокая женщина,
Неуютно тебе.
Бесконечная трещина
И в душе, и в судьбе.

Одинокая женщина —
Приговор без суда.
Много было обещано,
Да ушло в никуда.

Одинокая женщина,
До могильной плиты
Непременно обвенчана
С пересудами ты.

Одинокая женщина.
Тронул пепел виски.
Ты печалью отмечена
Неизбывной тоски.

Одинокая женщина
(Как тебя мне найти?),
Что осталась невстреченной,
Если можешь, прости!

* * *

Не надо ей слов величальных —
Она и без слов велика.
Не надо ей песен печальных,
Что пелись в былые века.

Не надо пустых обещаний
И тихо трясущихся плеч,
Терзающих душу прощаний
И горьких обманчивых встреч.

Не нужно ей сказочных кладов,
И замков ты ей не дари...
А что ж тогда женщине надо?
Попробуй ее разбери.

Ей надо немного участья
В запутанном мире твоем...
Как мало ей надо для счастья,
А мы — и того не даем.

* * *

Картинки из детства, как кадры кино,
Возникнув на миг, пропадают.
В скверике пили слепые вино,
Ржаным сухарем заедая.

Бутылку, на ощупь деля на троих,
Склоняли в стакан осторожно.
И было, ребята, ей-богу, на них
Без боли смотреть невозможно.

Глядели на мир вместо глаз ордена
С прошедших войну гимнастерок.
Багряным рассветом пылала весна
В ту послевоенную пору.

Для них же внезапно пришедший закат
Не сменится больше рассветом.
В ответ мне сегодня:
«А кто виноват?..»
Я с вами — совсем не об этом.

СТРАДАЛИЦА

Плачут галки у околицы.
В небе — вороны зловещие.
За деревней Богу молится
Обессиленная женщина.

Запылилось платье черное,
Посерели щеки впалые,
Стали руки непокорными,
Потемнели губы алые.

Все уносит время властное,
Даже камни рассыпаются.
Только женщина несчастная
За деревней тихо кается.

Люди ходят, тычут пальцами,
Ухмыляются с презрением...
Издеваться над страдальцами
Нынче стало духом времени.

А она стоит, сердешная, —
Нет ни зла, ни лицемерия.
Побеждает тьму кромешную
Беспредела и безверия.

Кто же эта безответная
На коленях за околицей?
Это мать-Россия светлая
Здесь за нас, заблудших, молится.

СТАРАЯ ДОРОГА

Старая дорога
Посреди судьбы
Падает к порогу
Рубленой избы.

Старая дорога —
Радость и беда —
Ласково и строго
Смотрит сквозь года.

Старая дорога —
Порванная нить.
Радость и тревогу
Как соединить?

Старая дорога —
Памяти печать, —
Мне с тобой о многом
Нужно помолчать.

Старая дорога.
Древняя, как Русь,
Я к тебе надолго
Все не соберусь.

Старая дорога,
В детство унеси
И прости, как могут —
Только на Руси.

* * *

Памяти С. Эфрона

Пароход отошел — больше взрывов
не слышно.
За кормою остался пир во время чумы...
До сих пор не пойму, как случилось,
как вышло,
Что остались с тобою без Родины мы.
Лишь вчера, лишь вчера мы по ней
колесили.

Под копытом горячим догорало жнивье.
Да над трупами павших ковыли
колосились,
Да слеталось добычу делить воронье.
Кровь своя и чужая запеклась на закатах,
Вдоль дорог опустевших — все кресты
да кресты.
Мы теперь навсегда перед ней виноваты.
Если можешь, Россия, нас, заблудших,
прости!..
Поклянусь я, Россия, к тебе воротиться.
Доплыву, докачусь, доползу, добреду...
И пускай комиссар расстреляет меня
на границе,
Я, раскинувши руки, навеки к тебе припаду.
И не смогут меня оторвать от России
Ни друзья, ни враги, ни сиянье, ни тьма.
И не важно, что здесь мне глаза погасили
И что нет над могилой ни креста, ни холма.

ПЕТРУШКА

Зовут меня Петрушка.
Я — шут и озорник.
Я, старая игрушка,
Давным-давно возник.

Спешил я на базары
В большие города,
И встреч со мной недаром
Боялись господа.

И в деревнях, и в селах —
Кого ни расспроси —
Везде мой смех веселый
Известен на Руси.

На мне — колпак атласный,
Рубаха, кушачок...
Но попадать опасно
Ко мне на язычок.

Что мне жилось несладко,
Недаром говорят.
Я резал правду-матку
На свете всем подряд.

Артист из балагана,
Заслуженный вполне.
Теперь во многих странах
Узнали обо мне.

Пусть я — артист известный,
Но я не зазнаюсь.
Своею жизнью честной
Я так похож на Русь.

Но, что довольно странно, —
В России я забыт.
Все больше иностранный
Здесь в моду входит быт.

Забытый не по празу
В родимой стороне,
Я верю: снова слава
Воротится ко мне.

* * *

Смотрю я, как собаку продают...
Мороз по коже от такой продажи.
Здесь не собаку — друга предают.
И стоимость указывают даже.

ИЗ ПОЭМЫ «САМОДЕРЖЕЦ»

Сторона моя горемычная,
Изначальная Русь могутная,
Вся судьба твоя — то опричнина,
То безумное время смутное.

Сторона моя, Русь-страдалица,
На лице твоем — швы да пластыри:
Не одну поломали палицу,
Управляя тобою, пастыри.

Все во благо твое, во спасение.
За столетья вошли в традицию
И великие потрясения,
И подпольные инквизиции.

Сторона моя, Русь кондовая,
Крепко сложена, ладно скроена,
Опьянит тебя речь медовая,
Что на лжи да коварстве настояна.

Разыграется удаль пьяная,
Разгуляется кровь бунтарская...
А потом?.. Потом — ноздри рваные.
Пахнет дыбою милость царская.

*

День субботний — дело известное.
Банный день — все грехи смываются.
Православные — люди честные.
Согрешат, а потом — покаются.

Как на царском дворе баня топится.
Пар густой стоит, словно марево.
За неделю грехов столько скопится...
Не простых грехов — государевых!

«Эй, плещи на жар квасу-пенника,
Добавляй, холоп, духу пьяного
Да хлещи царя крепче веником,
Не жалей меня, окаянного!»

А холоп-дурак рад доверию.
Захватив глоток грудью воздуху,
Государеву спину меряет
Полтора часа — все без роздыху.

И не знает он, душа грешная,
Душа грешная, забубенная:
На спине у царя — кожа нежная,
Не крестьянская, не дубленая...

Завопил, завыл царь в предбаннике.
Полетел, поплыл крик по городу.
Тут опричники да охранники
Ухватили холопа за бороду.

Уж да гой еси ты, детинушка,
Бесталанная ты головушка!..
Перемеряют твою спинушку,
Батогами тебе пустят кровушку.

Надо выпытать у изменника
(Ни пощады ему, ни прощения):
Как засечь царя думал веником?
По чьему пошел наущению?

Доказать вину — дело плевое.
Приготовь, палач, свое снадобье!..
И под пыткою под суровою
Назовет холоп всех, кто надобен.

Хоть сильна-сильна сила крестная,
Но сильней ее — муки адские.
И пойдут в острог люди честные —
И бояре там, и посадские...

* * *

Земля моя — от прадедов, от дедов,
Заволжская лесная сторона.
Со мною говорит звериным следом
И тишиной, звенящей, как струна.

Волшебною подернутые краской
Стоят леса в моем родном краю.
Деревья мне рассказывают сказки,
А птицы колыбельную поют.

Пойду к озерам, где туман седеет,
Найду в реке упавшую звезду
И, может быть, на царство берендеев
На солнечной поляне набреду.

Под перелив пастушеской свирели,
Под говор берендеев на лугу
Шагну я в мир чудесных песен Леля,
В девичий хоровод на берегу.

У ног моих росою плачут травы,
Шумит камыш, о чем-то говоря.
Он голосом покинутой Купавы
Зовет к ответу злого Мизгиря.

Но вот уже Ярила вырастает,
Чтоб всем живым зажечь огонь в крови,
А новая Снегурочка не тает,
Шагнув навстречу счастью и любви.

Я по лесам шагаю без опаски,
И радостно среди деревьев мне.
Я бесконечно буду предан сказке,
Моей лесной заволжской стороне.

* * *

Мой милый край лесной пропитан сказкой,
Наполнен терпким запахом полей,
Цветов неброских нежностью и лаской
И тихой грустью крика журавлей.

Мой отчий дом за дальними лесами —
Мне дать судьба иного не могла.
И я готов без устали часами
Бродить по тихим улицам села.

С тобою я и в радости, и в горе.
Везде призывный голос слышу твой.
А над домами высится Егорий,
Печально мне кивая головой.

Леса призывно мне ветвями машут,
Зовут меня к себе колосья ржи.
И верю я, что нет на свете краше,
Роднее нет красавицы Межи.

БРУСНИКА

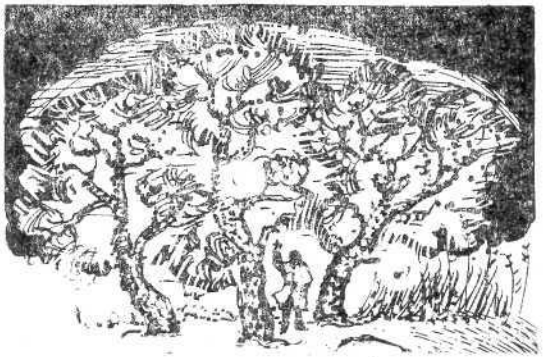
Лето красное, плесни-ка
Теплой влагой поутру,
Спелой ягодой брусникой
Брызги вызреют в бору

И проступят сквозь листочки
Отражением зари.
Вот они, на каждой кочке, —
Наклоняйся и бери.

Гроздьев алые сережки
Дразнят, манят озорно...
Туесок, ведро, лукошко —
Все уже полным-полно.

А брусника: «Догони-ка!
Не стесняйся, милый мой!»
Я прошу тебя, брусника,
Отпусти меня домой!

Но она смеется звонко,
Убегает дальше в лес...
Ах ты, вредная девчонка!
Иль в тебя вселился бес?!



ИЗ ПОЭМЫ «МЕЖАКИ»

ОТ АВТОРА

За рекою за Межою
Есть обычное село.
Не сказать, чтобы большое,
И не то, чтобы мало.
Где взяла названье речка,
Утверждать я не берусь.
Может, чудское словечко
Проросло в святую Русь.
Словом, так иль по-другому...
Поселившись у реки,
Край лесной родимым домом
Называют межаки.
Мы забыли безнадежно,
Что еще позавчера

Жили здесь, в краю таежном,
Межевские мастера,
Ну, а я решил напомнить
Вам, что было, да прошло...
В сердце нет страны огромней,
Чем родимое село.

* * *

...Был когда-то день базарный,
Над рекой стоял туман.
Подобрался враг коварный —
Шайка диких басурман.
И пошли они проказить:
Что увидят — то в суму.
Тут уж им укажешь разве?
А за помощью — к кому?
Выступают по базару,
Озоруют по пути.
Забирают все задаром,
Без «спасибо», без «прости».
Тут один разбойный малый,
Ростом — с шапкою вершок,
Растянулся неудало,
Наступивши на горшок.
Басурманин ошарашен,
Закряхтев, на землю сел.
Выбит зуб, и нос расквашен.
А горшок — остался цел.
Басурманин злобно топнул,
Придавив горшку бока.
А горшок опять не лопнул
От чужого каблука.
Удержать себя не может:
«Уничтожу этот хлам!»

Саблю вытащил из ножен —
Хрясть! — и сабля пополам.
А горшок здоров — не ранен.
Молодцом стоит опять.
Испугались басурмане
И коней погнали вспять.
Был базар подобным чудом,
Словно громом, поражен.
«Это чей горшок? Откуда?
Из чего сооружен?..
Нас избавил от напасти.
Враг остался в дураках.
Кто же этот славный мастер?
Знать — носили б на руках!»
Мужичишка с бороденкой
В три-четыре волоска,
На убогой лошаденке...
Поглядеть — одна тоска.
Говорит в толпу несмело —
Так, что сразу не поймешь:
«Это я горшков наделал.
У меня такие сплошь».
Люди верят и не верят.
Всех сомнение берет.
Посмотрите — и теперь
Не продаст, коль не соврет.
А мужик собрал мальчишек,
Дал с посудою мешки
И велел: бросайте с крыши
Чашки, плошки и горшки.
А мальчишки страшно рады:
Знайте нас — не подведем!
Начала посуда падать,
Вниз посыпалась дождем.
Ни единого осколка!

Не посуда — чистый звон!..
Всем базарным балаболкам
Рты закрыл работой он.
Просит толстая купчиха:
«Ты откуда? Расскажи».
«Есть деревня Лобачиха
Недалеко от Межи.
Там у нас такая глина!
Глине — слава, глине — честь.
Ну, не глина, а малина.
Поглядишь — захочешь съесть.
Эта глина — не простая.
Не для всех — секретный пласт.
Не для каждого растает,
Не легко секрет отдаст».
Разошлись горшки — и, значит,
Мужичонка налегке
Обмывать пошел удачу
В придорожном кабаке.
«Ах, горшки мои, горшечки!..»
Что тут было — боже мой!
Мужичок с одной уздечкой
Чуть живой пришел домой.
Все спустил: зипун, лошадку
И — не считано — рублей...
А хозяйке для порядку
Кинул связку кренделей.
И с тех пор никто в народе
Не видал того пласта.
Все копают — глина вроде.
Хоть похожа — да не та.
Знать, ушла она куда-то.
Может, скрылась до поры...
Иль повывелись, ребята,
В Лобачихе гончары?

МАСТЕР

Жил у нас печник когда-то,
Ох, и мастер — доложу!
И к нему, вполне понятно,
Люди ехали в Межу.
Ну, какая жизнь без печи!
Как сарай, изба стоит.
Печь — согреет, печь — излечит,
Печь — накормит, напоит.
Соберет семью под вечер
На горячих кирпичах.
Так и знай: без русской печи
Наш мужик давно б зачах.
Знатный мастер знает цену —
Наших просто не возьмешь, —
Поломавшись непременно,
Громко вымолвит: «Ну что ж,
Знаем, знаем, слава богу,
Каково без печи быть
Собери-ка, мать, в дорогу,
Надо людям пособить.
Только, братец, с уговором:
Мне под руку не зуди.
Спорить нам с тобой не в пору.
Коль умеешь — сам клади!»
Кто-то думает: вот штука,
Эко дело — печь сложить...
Это — целая наука,
Разрешите доложить.
Мужичок глядит с тревогой:
Мол, уважь — возьми что хошь.
Печников в округе много,
А такого — не найдешь.
«Ладно, так и быть, уважу.

Я ведь, чай, с понятьем, брат.
Выноси мою поклажу...»
А мужик до смерти рад.
И поедут... Путь нелегок,
Почитай-ка, тридцать верст.
На проезжую дорогу
Выезжают через мост.
Стало быть, доедут к ночи,
Коли будет все путем...
Рано утром мастер вскочит,
Словно кто кольнул гвоздем.
Помолившись быстро Богу,
С головою в дело вник.
Все — его теперь не трогай:
Инструмент достал печник.
Постоял сперва у двери,
Головою покачал...
А потом бечевкой мерял,
Что-то мелом размечал.
Разогнулся, крякнул смачно,
Потянулся с хрустом, всласть.
Глину вымесил — и начал.
Знамо дело, — печку класть.
Гонит ровно, как по нити, —
До того наметан глаз.
Солнце между тем в зените,
И обедать в самый раз.
Час обеда — дело свято.
А обед давно готов.
Средь стола стоит пузатый,
Аппетитный полуштоф.
Мастер взял бутыль, отставил,
Опустившись на скамью.
«Знаешь, — я не этих правил.
Как работаю — не пью.

Дело кончим, печку сладим,
Дым завьется над трубой...
Уж тогда, хозяин, сядем,
Знатно выпьем мы с тобой!
Чтобы грела, не дымила,
Без износу целый век,
Чтоб семью твою кормила,
Выпьем, добрый человек.
Будет все у нас не худо,
Погодите — дайте срок.
Потерпите....»
А покуда
Снова пляшет мастерок.
Заработал молоточек.
Разошелся — не унять.
Тарахтит до поздней ночи.
А назавтра — все опять.
Послезавтра мастер снова
Начинает все с утра...
А под вечер — печь готова,
Затоплять ее пора!
А хозяйка то-то рада:
«Ой, кормилец, будь здоров!»
Ровной клеткою, как надо,
Положила в печку дров.
Подошел печник к окошку,
Скрытно — вроде как украл —
Из мешка достал гармошку, —
На трубу — и заиграл!
Баба печку растопляет —
Поскорей согреть избу.
Дым по горнице гуляет
И не хочет лезть в трубу.
Расшумелась что есть мочи:
«Ну, бездельник, погоди!»

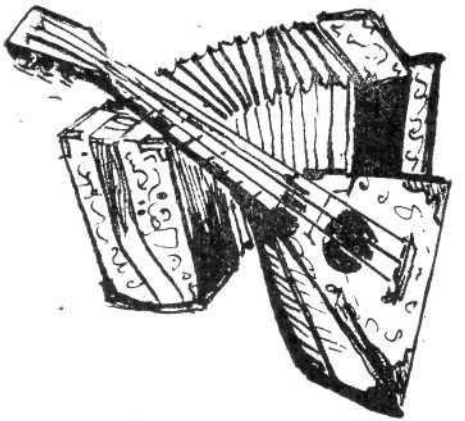
А мужик над ней хохочет:
«Ты на крышу погляди!..»
Баба чуть не повалилась,
Ухватилась за бока.
«Гармонист!.. Скажи на милость,
Как выводит сормака!..
Эй, слезай оттуда, что ли!
Унимайся, старый хрыч!»
«Не сойду отсель, доколе
Не поставишь магарыч!»
«Вот какой ты, право слово...
И закуска, и вино —
У хозяйки все готово.
На столе стоит давно.
Ну, слезай скорей, родимый.
И хозяйке не перечь!..»
Встал печник — и, ухнув дымом,
Задымила ровно печь.
Крепко выпили на счастье.
Поднесли не раз, не два.
Обнимал гармошку мастер,
Удалая голова.
А наутро, правясь к дому,
На деревню он взглянул.
Над трубой дымок знакомый
Завитком ему кивнул.

БАНЯ

Дух роняя ароматный,
Над селом плывут дымки
День субботний — и понятно:
Топят бани межаки.
Топят с толком, с добрым чувством,
Осторожно, не спеша.

Это, братец мой, — искусство.
Баня — то же, что душа.
Вот иной тебе нажарит
Так, что гнутся кирпичи.
А потом в сплошном угаре
Ты хошь парься, хошь кричи.
Не по мне такая баня.
Не мытье — зубная боль.
Вот когда сосед сварганит
С удовольствием — изволь!
Наша баня пышет жаром,
Как в тумане — потолок.
Ну-ка, дайте больше пару —
Забираюсь на полок.
В нашей бане пахнет мятой,
С кипятком шипят тазы.
Дайте веник ароматный
Из березовой лозы!..
И пойдет работать веник
По спине и по бокам,
Жжет ладони, бьет колени
И гуляет по рукам.
Сам собой лежу исхлестан,
На душе легко-легко.
Будто пройденные версты
Вдруг остались далеко.
Это что ж со мною сталось?..
Я такой и — не такой.
С тела сброшена усталость,
Словно чьею-то рукой.
Потому сюда так манит —
В баню просится душа!
Баня, баня, чудо-баня,
До чего ж ты хороша!
...К ней хожу я на свиданье

В зрелом возрасте уже
Не забыть мне этой бани
В огороде на Меже.



БЕЗ ГАРМОНИ НЕТ МЕЖИ

Сторона моя лесная,
Ты — и радость, ты — и грусть.
Деловая и шальная,
Как и вся святая Русь.
Или горе, или радость —
Полумер не знала ты.
Коль плясать — так до упаду,
Если петь — до хрипоты.

Межевские гармонисты
На ходу подметки рвут.
С перебором да со свистом
Всех на улицу зовут.
Голосистые гармошки,
Залихватский перебор.
Как пойду да топну ножкой —
Зашатается забор!
До утра под них плясать бы,
И не хочется домой.
А скажите, что за свадьба
Без гармони?.. Боже мой!
Гости пить вино устанут.
Разморило... Клонит в сон...
А когда гармошки грянут —
Тут совсем другой фасон!
Подбоченясь франтовато,
Выплывает теща в круг,
За собою тянет свата:
«Не упрямься, милый друг!»
Окончательно проснувшись,
Гости все рванутся в пляс.
От души отводят душу —
Не хватает только нас.
Да и мы пойдем вприсядку.
Разве мы — не межаки?!
Поддавай огня, двухрядка!
Выбивайте, каблуки!
Кто-то дробью сыпал об пол:
Словно очередь — как даст!..
Кто-то просто громко топал...
В общем, кто во что горазд.
Уходились до упаду,
Как во время молотьбы...
С гармонистом нету сладу —

Ходит чертом вдоль избы.
И гармошка огневая —
Вся хозяину под стать —
Выдает, не уставая, —
Им никак нельзя устать.
А домой вернутся оба
На рассвете поутру...
Эх, гармонь моя, зазноба,
Жил с тобой, с тобой — помру!..
Светлый день Преображенья.
Праздник в нашей стороне.
Гармонистам уваженье,
Должен вам сказать, вдвойне.
Что за праздник без гармони?!
Без гармони — дело пыль!
Все село гуляет ноне.
Гармонист, давай кадриль!
Запоет гармонь, воркуя,
Словно сельский балагур,
Расходную межевскую
Из двенадцати фигур.
Это дело в нашем духе —
Всем по сердцу, всем с руки.
Танцевать хотят старухи —
Приглашайте, старики!
Всех гармони собирают,
Под свою подводят власть.
Где-то шанского играют.
Сормака выводят вслась.
Эх, гармонь, моя услада,
Все, что знаешь, расскажи!..
Без гармони нету ладу,
Без гармони нет Межи.

К ЧИТАТЕЛЮ

Прежде чем поставить точку,
На прощание скажу:
— Коль не веришь этим строчкам,
Сам наведайся в Межу!
Встреться с памятью нетленной,
Что жива — других храня,
И поймешь, что центр Вселенной
Здесь проходит для меня.

Издание осуществлено при участии
администрации Межевского района

Общее и художественное
редактирование
— М. Ф. Базанков

Редактор — Е. А. Разумов

Художник — М. Ф. Базанков

Специальный выпуск «Литературной
Костромы», издание писательской
организации, 1995 г.

1995 г. Областная типография им. М. Горького управления по делам печати и массовой информации администрации Костромской области. г. Кострома, ул. П. Щербины, 2. Заказ 2094. Тираж 2000.